

Федоров Роман Юрьевич, Фишер Анжелика Николаевна

ЭТИКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Статья посвящена проблемам изучения этики народной культуры восточных славян. На основе обобщения отечественного этнографического наследия и результатов собственных экспедиционных исследований предпринята попытка выделения базовых элементов традиционной культуры, регулирующих нравственную жизнь общества. Рассмотрены возможные пути использования духовно-нравственного потенциала "народной этики" для решения ряда актуальных проблем современного российского общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/7/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (85). С. 133-138. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3. Гилфорд Д. П. Структурная модель интеллекта // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. 630 с.
4. Гилфорд Д. П. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. 630 с.
5. Дружинин В. Н. Психодиагностика общих способностей. М.: Академия, 1996. 180 с.
6. Краткий психологический словарь / общ. ред. А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
7. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.
8. Маслоу А. Г. Самоактуализация // Психология личности: тесты. М.: Ваклер, 1982. 234 с.
9. Одаренные дети / пер. с англ.; общ. ред. Г. В. Бурменская, В. М. Слущкий. М.: Прогресс, 1991. 376 с.
10. Пономарев Я. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М.: Наука, 1990. 222 с.
11. Психологический словарь / общ. ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 440 с.
12. Томилова И. И. Формирование креативности у старших школьников в воспитательно-образовательном процессе гимназии: автореф. дисс. ... к. пед. н. Кемерово, 2002. 23 с.
13. Трик Х. Е. Креативность как процесс. М.: Наука, 1987. 87 с.
14. Туник Е. Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. СПб.: ИМА-ТОН, 1998. 169 с.
15. Туник Е. Е. Модифицированные креативные тесты Вильямса. СПб.: Речь, 2003. 94 с.
16. Туник Е. Е. Опросник креативности Джонсона. СПб.: СПбУИПМ, 1997. 71 с.
17. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадигмы исследования. Томск: Барс, 1997. 392 с.
18. Barron F. X. Creative Process and Creative Person. N. Y., 1969. 212 p.
19. Guilford J. P. Intellectual Factors in Productive Thinking // Exploration in Creativity. N. Y., 1967. 96 p.
20. Torrance E. P. The Nature of Creativity as Manifest in the Testing // The Nature of Creativity. Cambridge: Camb. Press, 1988. P. 43-75.
21. Torrance E. P. The Torrance Test of Creativity Thinking. L., 1974. 243 p.

THEORETICAL APPROACHES TO NOTION "CREATIVITY"

Tomilova Inga Igorevna, Ph. D. in Pedagogy
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
kiap419@yandex.ru

The article reveals the content of the notion "creativity" from the viewpoints of various conceptions, theories and approaches. The multi-dimensionality of the notion "creativity", as well as the absence of the unified and distinctly formulated definition of the notion at the moment can be considered as a substantiation of appropriateness to study this issue. In the work the author analyzes the main theoretical approaches to the study of the nature and structure of creativity serving as a powerful factor in the personality's development.

Key words and phrases: creativity; "primary" creativity; "secondary" creativity; indicators of creativity; creative work; creative abilities; divergent thinking; convergent thinking; theory of "intellectual threshold".

УДК 39

Культурология

Статья посвящена проблемам изучения этики народной культуры восточных славян. На основе обобщения отечественного этнографического наследия и результатов собственных экспедиционных исследований предпринята попытка выделения базовых элементов традиционной культуры, регулирующих нравственную жизнь общества. Рассмотрены возможные пути использования духовно-нравственного потенциала «народной этики» для решения ряда актуальных проблем современного российского общества.

Ключевые слова и фразы: традиционная культура; этика народной культуры; нравственность; нормы поведения; неписанные законы.

Федоров Роман Юрьевич, к. филос. н.
Институт криосферы Земли Сибирского отделения Российской академии наук
r_fedorov@mail.ru

Фишер Анжелика Николаевна, к. искусствоведения
Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий
angela_fisher@mail.ru

ЭТИКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН©

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект 13-21-01004a(м).

Одной из важнейших функций традиционной народной культуры является регуляция нравственных норм поведения человека. В аграрной среде России испокон веков существовали свои неписанные законы, представляющие собой определенные поведенческие кодексы, передающиеся от поколения к поколению.

Подобная «народная этика» часто на многие столетия вперед предвосхищала юридические и законодательные практики, сложившиеся в светской, городской культуре. Попытка замены «народной этики» на новую идеологизированную мораль в годы коллективизации и последующего строительства колхозов и совхозов нередко имела разрушительные последствия для традиционной культуры русской деревни. В постсоветскую эпоху, охарактеризованную утратой государственных идеологических ориентиров, важным регулятором жизни российской деревни вновь стали неписанные законы сельской общины.

Во время этнографических экспедиций нам неоднократно доводилось слышать рассказы работников районных и поселенческих администраций о том, как им приходится искать ответы на те или иные социальные и экономические вызовы, которые стали общими для сегодняшней российской деревни. Нередко они содержали признания о том, что многие сохранившиеся от предков духовно-нравственные традиции в этих ситуациях оказывались намного более действенными, нежели подробные должностные инструкции, не учитывающие реалии сельской жизни. Данная ситуация натолкнула нас на мысль о необходимости систематического изучения «народной этики» как феномена духовной культуры восточнославянских народов. Несмотря на то, что сами по себе ее традиции существовали испокон веков, в культурной и научной жизни России их рефлексия начала проявляться лишь в XIX веке. На первых порах она чаще всего носила опосредованный характер. К примеру, в сказках А. С. Пушкина или баснях И. А. Крылова русская литература обогащалась примерами народной мудрости и нравственных идеалов. В ряде своих произведений Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, а также писатели-почвенники второй половины XIX века обращались к духовно-нравственным традициям, сложившимся в русской народной культуре.

В отечественной этнографии данная проблематика долгое время не становилась объектом специальных исследований. Чаще всего она подспудно затрагивалась в работах, посвященных нравам и обычаям тех или иных местностей или вопросам общественной жизни крестьянских общин.

В советское время тема «народной этики» также не получила систематического развития ввиду официального доминирования принципов коммунистической морали, не допускавшей признания важности христианских духовных ценностей, общинных отношений и традиционного семейного уклада, которые как правило отождествлялись в советской идеологии с ненужными и даже вредными «пережитками прошлого».

По-настоящему глубоко отечественными этнографами эта тема стала раскрываться лишь в 1980-е – 1990-е годы. Одними из первых известных работ того времени, в которых были рассмотрены разные аспекты «народной этики», стали монографии М. М. Громько «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» [3] и «Мир русской деревни» [2]. Помимо обобщения широкого круга архивных источников, данные книги примечательны тем, что в них была предпринята попытка выделить ключевые составляющие нравственности русского народа. Каждой из них были посвящены отдельные параграфы в главе под общим названием «Совесь», вошедшей в монографию «Мир русской деревни». Автор дала этим параграфам следующие названия: «Взаимопомощь», «Милосердие», «Честь и достоинство», «Репутация», «Трудолюбие», «Вера», «Просить прощение», «Побратимство», «Отношение к старшим». В дополнение к этим, достаточно ёмким определениям, хотелось бы выделить некоторые функциональные ипостаси «народной этики». Опираясь на опыт собственных полевых исследований, а также на анализ отечественного этнографического наследия, нам представляется целесообразным выделить следующие базовые элементы традиционной культуры, в той или иной степени выполняющие функции своеобразных «регуляторов» нравственной жизни сельской общины:

- этика народных православных традиций;
- этика обрядовых традиций;
- этика трудовых и общинных отношений;
- этика семейных отношений;
- «народная этика» в фольклоре.

В жизни русского крестьянства на протяжении многих столетий все перечисленные выше ипостаси «народной этики» были тесно переплетены друг с другом, образуя синкретическую духовно-нравственную систему, пронизывающую разные грани человеческого бытия. Однако, благодаря процессам разрушения традиционного жизненного уклада русской деревни в годы советской власти и в наше время, многие базовые элементы этой системы оказались утраченными, а другие нередко продолжают свое существование во фрагментарном виде или в реликтовых формах, сохранившихся лишь на территории отдельных поселений. Данная ситуация свидетельствует об актуальности реконструкции существовавшей некогда, но утраченной сегодня целостной нравственной картины мира, сложившейся в аграрной среде восточнославянских народов. Эту непростую задачу мы пытаемся решить, собирая по крупицам и систематизируя примеры нравственной жизни народа, фиксируемые в ходе этнографических экспедиций. Опираясь на характерные примеры из обобщаемого нами полевого материала, попробуем хотя бы в самом общем приближении рассмотреть значение некоторых базовых элементов «народной этики» в жизни общества.

Особенностью аграрной среды России, Белоруссии и Украины являлось то, что помимо официальной Церкви большую роль в жизни их населения играли народные православные традиции. Их характерной чертой всегда являлась самоорганизация сельской общины для поддержания определенных обрядовых традиций и нравственных норм поведения. Проявления этих традиций отличались большим разнообразием, поэтому в рамках данной статьи мы ограничимся лишь некоторыми их яркими примерами, бытование которых нам встречалось во время полевых экспедиционных исследований.

В русском фольклоре сохранилось немало быличек, которые представляют собой неканонические жития святых и старцев. Очень часто, в отличие от канонических текстов, подобные истории содержат бытовые сюжеты, которые раскрывают особые нравственные качества почитаемых в народе святых, ассоциируемые с бытующими в народе этическими идеалами. К примеру, в быличках, рассказывающих о житии широко почитаемого на Урале и в Сибири Святого праведного Симеона Верхотурского, повествуется о том, как он, занимаясь шитьем шуб в крестьянских домах, довольствовался лишь предлагаемыми ему пищей и кровом. При этом, немного не закончив работу, он уходил из приютившего его дома, не желая брать плату за нее. Известен рассказ о том, как он отправился в Ирбит за 100 верст от своего места жительства, чтобы вернуть унесенную по забывчивости из дома хозяина иголку [9, с. 128]. Также большого внимания заслуживают предания о том, что Симеон Верхотурский, происходя из знатного боярского рода, сознательно стал бедным странником, разделившим все тяготы и радости жизни с простым народом. Подобный архетип «опрощения» всегда ассоциировался в крестьянской среде с духовным подвигом. Одним из других его ярких примеров стали предания о старце Федоре Кузьмиче, который мог быть «ушедшим в народ» императором Александром I [7].

Уникальным феноменом духовной народной культуры являются литературные памятники, оставленные выдающимися представителями старообрядчества, проживавшими в Сибири в XVII-XIX вв. (Авраамий Венгерский, Мирон Галанин и др.) [12]. Отдельного внимания заслуживает трудовая этика старообрядческих общин, оказавшая впоследствии влияние на общественную позицию ряда известных российских промышленников, предпринимателей и меценатов [6; 11].

Большое влияние на духовно-нравственную жизнь деревни имели праздники и обряды, во время которых вся деревенская община сообща совершает определенные ритуальные действия, направленные на прославление какого-нибудь святого. К их проявлениям можно отнести братчины – совместные трапезы в честь святого покровителя общины, совершаемые в дни его почитания по церковному календарю. Словом «братчина» нередко обозначалась и вся сельская или ремесленная община, которую соотносили с определенным братством. Помимо религиозных функций, до конца XVII века на территории России и Белоруссии подобные братства нередко обладали функциями самосуда, а также были тесно связаны с хозяйственной деятельностью (так называемые «цеховые» или «медовые» братства). Данные традиции тесным образом связаны с распространенными преимущественно на территории Белоруссии, а также граничащими с ней регионами России и Украины обрядами изготовления братских или мирских свеч [8]. В соответствии с ними, всей деревенской общиной собирался воск, из которого изготавливалась большая свеча, вес которой мог достигать десятков килограмм, а высота – доходить до потолка избы. Свеча хранилась год в одном из домов, а на следующий год переносилась в другой, обходя всю деревню. В ряде случаев данный обряд предусматривал перенос из дома в дом не только свечи, но и почитаемой иконы. В деревне Осиновка Викуловского района Тюменской области, основанной в конце XIX века переселенцами из Могилевской губернии, до сих пор сохранилось бытование почитания и переноса иконы «Воскресение Христово», которую местные жители называют «Свечой». Икона год хранится в доме одного из жителей. На Рождество происходит перенос иконы в другой дом, при этом сама икона является достойным всей деревни. Примечательно, что в данном случае, ввиду отсутствия в деревне церкви, дом, в котором хранится икона, превращается в своеобразный временный сакральный центр поселения. По определению белорусской исследовательницы Л. Романовой, «такой дом становится своеобразной церковью» [10, с. 104], его двери всегда открыты для желающих помолиться и поклониться иконе. Местные жители испытывают особое почтение к этому дому и к проживающей в нем семье, что часто сопровождается пожертвованием денег и пищи. При этом каждая семья, входившая в общину, стремилась быть достойной, чтобы принять в своем доме святыню. Обряд «Свеча», дошедший до нас, ограничивает круг тех, чей дом достоин принять икону. Так, «Свечу» не отдавали пьяницам и убийцам. По сохранившимся сегодня реликтовым проявлениям «братских» обрядов, подобным осиновской «Свече», можно с уверенностью говорить об их большом значении в регулировании нравственной жизни деревни. В первую очередь, они способствуют консолидации сельской общины. Символические «братские» действия, актуализированные в ритуале, во многом моделируют ситуации взаимопомощи в трудовой деятельности и сложных жизненных ситуациях в масштабах всей общины.

Еще одной важной гранью народных православных традиций являются многочисленные рассказы о чудесных случаях вмешательства провиденциальных сил (божией каре) в тех ситуациях, когда кто-то из жителей деревни совершал безнравственные поступки особой тяжести или нарушал основополагающие традиции. Многочисленны рассказы о трагических судьбах, которые постигли людей, принимавших участие в разрушении храмов после установления советской власти. Приведем лишь один пример, записанный нами в этнографической экспедиции, состоявшейся в январе 2014 года. Елена Тимофеевна Шишова, 1934 г.р., из села Викулово Тюменской области рассказывала о том, как в 1930-е годы рушили церковь в расположенной неподалеку деревне Ермаки: *«Когда из церкви вынесли плащаницу, наш сосед Пятрок потоптался по ней, а затем лег на нее, скрестив руки. Находившиеся рядом прихожанки церкви стали выкрикивать: “чтобы тебя Господь не поднял, раз ты так сделал”. Все разошлись. Через несколько дней у этого человека начали отниматься руки и пальцы на ногах. Он постоянно повторял: “ой, мама, у меня руки млеют, ой, мама, я есть не могу”. Вскоре он слег. Его возили по разным городам на обследование. Анализы были хорошими, но ему лучше не становилось. Мы, будучи детворой, приходили его бабе помочь его на кровати перевернуть. После совершенного им кощунства он так пролежал три года три месяца и три дня. После этого ему*

стало лучше, он начал ходить, но остался с горбом. Потом его призвали на фронт. Месяц послужил и его убили». Помимо своей мистической подоплеки, данный рассказ хорошо иллюстрирует стремление народа связать греховность человеческих поступков с их неминуемым искуплением.

Каждой деревне были присущи свои неписанные законы, выступающие в качестве своеобразных нравственных кодексов, регулирующие общественные отношения внутри сельской общины. От места к месту они имели свои различия. Это объяснялось разными причинами. Чаще всего среди них выступали региональные и этнокультурные особенности отдельных поселений, а также специфика их хозяйственного уклада. Если говорить о сегодняшнем времени, то следует отметить большой разброс в степени их сохранности в разных деревнях.

Особую роль в жизни сельских общин всегда играла этика трудовых отношений, построенная на принципах взаимовыручки. Одним из ярких примеров являлись так называемые «помочи», когда одна семья приглашала соседей и знакомых для того, чтобы помочь им сделать какое-нибудь важное дело (строительство или обустройство дома, полевые работы и т.д.), с которым они не были в силах самостоятельно справиться. К одной из форм помочей можно отнести «дожинки», которые под разными названиями (Обжинки, Выжинки, Борода и др.) были распространены практически у всего восточнославянского населения Сибири. Суть этого действия сводилась к совместной уборке остатков пшеницы, которая перерастала в своеобразный «праздник урожая».

В книге «Очерки крестьянской общины», изданной в 1888 году, Н. Н. Златовратский отмечал, что помощь соседу русские крестьяне считали обыденным делом, лишенным ореола самопожертвования. В связи с этим он делал вывод о том, что нравственное подвижничество до такой степени входит в обиход жизни крестьянства, что заметить его изнутри очень нелегко [4, с. 296-297].

Рассказы информаторов свидетельствуют о том, что на территории Сибири во многих переселенческих деревнях нравственная сплоченность общины воспринималась в качестве главного залога ее выживания в чуждом этническом окружении и суровых природно-климатических условиях.

На территории большинства районов Сибири, в которые осуществлялись массовые крестьянские переселения во второй половине XIX – начале XX в., уже успела сложиться прослойка русского старожильского населения, значительная часть предков которого поселилась на этих землях в течение XVII-XVIII вв. Такие люди чаще всего называли себя чалдонами. В противовес этому, крестьян, прибывавших в Сибирь со второй половины XIX века из западных губерний, часто называли самоходами. Наиболее распространенным данное самоназвание было среди белорусских переселенцев. По одной из версий его происхождение связывают с белорусским словом «самохаць», которое означает «добровольно, по собственному желанию» [1, с. 125]. Многие потомки самоходов объясняют сохранившуюся среди них силу общинных отношений, «когда вся деревня – одна большая семья» (информатор Н. В. Сальников, 1961 г.р., деревня Новоберезовка Аромашевского района Тюменской области), ситуацией, требовавшей от их предков сплочения перед лицом трудностей, возникавших на новом месте. Сравнивая нравственные устои чалдонов и самоходов в Новоберезовке, Н. В. Сальников отмечал: «Мы всегда отличались большим трудолюбием и сплоченностью, чем чалдоны. В голодные годы те просили у самоходов очистки картошки, потому что были лодырней, работать не умели. Чалдоны могли предать друг друга, а самоходы боялись, потому что среди них свой суд был. Потом деревня разрослась, но эти отношения остались». Данное высказывание хорошо иллюстрирует ситуацию, когда безнравственное поведение или проступок человека приводили к его игнорированию общиной. В свою очередь, представители переселенческой общины боялись, что общественное осуждение их поведения может привести к утрате помощи, которую в трудную минуту могут оказать им соседи.

Среди рассказов старожилов основанных белорусами в конце XIX – начале XX века на территории современного Таборинского района Свердловской области деревень Чирки и Озёрки большого внимания заслуживают темы, связанные с этическими нормами жизни сельской общины. По воспоминаниям Л. П. Андреевой (1930 г.р., д. Озёрки), в каждой из этих деревень существовали свои неписанные законы, «люди знали, что такое совесть, знали, где добро, а где зло». Приведем лишь несколько примеров, характеризующих нравственные нормы поведения, бытовавшие среди белорусских переселенцев. Когда на праздники гости собирались в доме за столом, присутствовавшие за ним женщины не имели права употреблять наравне с мужчинами алкоголь. Сидевшая за столом женщина могла лишь пригубить рюмку водки и поставить ее на стол. Женское пьянство в деревне строго осуждалось. Нередко осуждения заслуживало и распространение сплетен о жителях деревни. Любовь Павловна вспоминала случай, когда однажды ее родственницы, сидя за столом, начали обсуждать кого-то из своих односельчан. Услышав этот разговор, ее дедушка произнес: «вы сами и есть безбожники, божий человек не имеет права судить». Так же как и в большинстве других самоходских деревень, у жителей Чирков и Озёрок не было принято запирать на замок двери домов во время отсутствия хозяина.

Для социокультурной ситуации современной России стало характерным то, что живые проявления «народной этики» исчезают так же быстро, как и многие деревни со свойственным им традиционным жизненным укладом. Исходя из этого, важной задачей современной российской этнографии являются фиксация и систематизация базовых составляющих духовно-нравственной жизни народа. Несмотря на утрату многих аутентичных проявлений, интерпретация их определенных элементов в жизни современного социума все же представляется нам возможной.

Для того чтобы выявить наиболее проблемные места нравственной жизни современной деревни, мы включили ряд связанных с ними тем в опросники, которые использовались нами в ходе экспедиционных полевых исследований, проводимых на территории регионов Урала и Сибири в период с 2009 по 2014 годы. Опуская конкретные бытовые и исторические детали, попробуем выделить основной круг нравственных проблем, которые затрагивали в разговорах старожилы расположенных за Уралом деревень.

Многие опрошенные нами представители старших поколений выражали свою обеспокоенность сведением на нет трудового воспитания детей, которое в деревне всегда имело не только хозяйственное значение, но и выполняло важную функцию формирования социальной ответственности. Когда-то трудовая жизнь сельского ребенка начиналась с 7-8 лет. Сейчас во многих сельских семьях родители сознательно ограждают детей от домашнего труда. В школах в последнее время был внесен запрет на уборку детьми классов и благоустройство прилегающих к ним территорий. Многие респонденты были обеспокоены тем, что данная тенденция формирует у детей потребительское отношение к жизни, отсутствие бережного отношения к вещам и окружающей среде, деградацию навыков, направленных на созидательные виды деятельности. По их словам, все эти факторы способствуют стремлению молодежи покинуть деревню, навсегда отказавшись от аграрных видов хозяйствования, которых вели их предки.

Другой серьезной проблемой российской деревни опрошенные считают разрушение традиционного семейного уклада. Данный процесс нередко связывают с высоким уровнем алкоголизма среди мужского населения, ведущего к физической и нравственной деградации, а также к преждевременной смерти. При этом многие «мужские» социальные функции невольным образом перекадываются на женские плечи. Это ведет к своеобразной смене «гендерных ролей», когда женщина начинает самостоятельно принимать наиболее ответственные для семьи решения.

Для современной деревни все более характерным становится разрыв связей в рамках «большой семьи», состоящей из трех поколений. В деревнях проживает большое количество одиноких престарелых людей, чьи дети и внуки переехали жить в город. Во многих случаях пожилые люди не обеспечены помощью родственников в ведении хозяйства. При этом внуки, лишённые общения с дедушками и бабушками, утрачивают важный канал культурной преемственности поколений.

Еще одной из основополагающих проблем сельской жизни большинство респондентов называют разрушение общинных отношений, основанных на доверии и взаимовыручке. Отсутствие коллективной трудовой деятельности и своеобразная реставрация приусадебного натурального хозяйства ведут к росту индивидуализма и размыванию общинных нравственных норм.

Как мы можем видеть, круг проблем, которые наиболее часто упоминают современные сельские жители, крайне актуален и важен не только для русской деревни. В нем, как в зеркале, отражаются многие общенациональные проблемы, от которых напрямую зависит будущее России. К примеру, в системе национальной безопасности государства аграрную среду можно рассматривать в качестве одного из важнейших «резервуаров» устойчивого развития страны и сохранения ее этнокультурной идентичности. В современной российской армии служит большой процент призывников из сельской местности, в то время как городская молодежь стремится избежать воинской обязанности. Российская деревня обладает колоссальным, на сегодняшний день не использованным, потенциалом для продовольственной безопасности страны. Приведем лишь один характерный пример, с которым нам не раз приходилось сталкиваться во время многочисленных экспедиционных исследований. Когда нам, горожанам, в беседах с сельскими старожилками доводилось упоминать «голодные девяностые», многие жители деревни отмечали, что в это непростое время они не чувствовали нехватки продовольствия благодаря тому, что вели натуральное хозяйство. Данное обстоятельство хорошо иллюстрирует потенциал традиционного уклада русской деревни в сфере жизнеобеспечения. В случае серьезных экономических потрясений или стихийных бедствий, следствием которых может стать нехватка продовольствия, можно представить себе катастрофические последствия данных ситуаций для высоко урбанизированных США и Западной Европы, в которых жизнеобеспечение городов полностью зависит от импорта извне продуктов питания. В сравнении с ними, жители России в самых экстремальных для экономики ситуациях всегда имеют шанс избежать голода, возделывая деревенские сельхозугодья и приусадебные участки.

И, наконец, сохранение у жителей аграрной среды России нравственных ценностей, берущих свое начало в традиционной культуре, придает государству своеобразный «почвенный фундамент», выступающий важным фактором стабильности его развития. «Укорененность» человека в родной земле и любовь к культурному наследию предков можно рассматривать не только в качестве истоков патриотизма, но и как своеобразную прививку против манипуляций массовым сознанием извне, которые могут представлять опасность для целостности и стабильности государства. При этом следует подчеркнуть, что данные умозаключения ни в коем случае нельзя трактовать как призыв к отказу от инновационных форм развития экономики. Скорее, они указывают на необходимость выработки продуманной стратегии взаимодействия традиций и инноваций, которые, во многих случаях, могут не только находиться в противоречии, но и дополнять друг друга. Возможность подобных сценариев развития демонстрируют примеры ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона [5, с. 196], успешно использующих в своей национальной политике инновационные формы экономики, опирающиеся на традиционные национальные духовно-нравственные устои.

Несмотря на сложность реализации, можно обозначить некоторые сферы государственной политики, в которых сегодня возможна адаптация определенных элементов «народной этики». В первую очередь, они могут быть востребованы в сфере образования. После деидеологизации системы образования, произошедшей

после распада Советского Союза, до сих пор открытым остается вопрос о формировании актуальной для России концепции духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. Большую важность имеет введение в образовательные программы дошкольных и школьных учреждений общей информации о традиционной культуре народов России и ее духовно-нравственном значении. Здесь главная задача – пробудить интерес и любовь к ней детей, преодолеть сложившиеся в массовом сознании стереотипы о «бескультурности» деревенской жизни.

В стратегиях поселкового и муниципального управления возможна адаптация отдельных принципов самоорганизации, бытовавших в крестьянских общинах (доминирования персональной ответственности и непосредственных контактов над формальными алгоритмами управления). Данные подходы могут быть продуктивны не только для аграрной среды, но и для использования в органах городского самоуправления, объединений жильцов отдельных домов и микрорайонов, заинтересованных в безопасности и благоустройстве места, в котором они живут.

Механизмы этической организации трудовой деятельности в сельской общине могут найти свою адаптацию и в свете разработки национальной концепции корпоративной этики. Сегодня руководство крупных российских корпораций нередко стоит перед выбором «американских», «немецких» или «японских» моделей управления персоналом, несмотря на то, что в отечественной традиционной культуре накоплено уникальное наследие нравственной организации трудовых отношений.

Попытку решения этих и других задач можно трактовать в контексте формирования новой национальной идеи. Сегодня очевидно, что ее важной частью должно стать стремление к моральному и духовно-нравственному превосходству России, без которого невозможно представить истинное возрождение страны и развитие созидательного потенциала ее общества.

Список литературы

1. Багашев А. Н., Федоров Р. Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3. С. 124-129.
2. Громько М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 448 с.
3. Громько М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 279 с.
4. Златовратский Н. Н. Очерки крестьянской общины // Златовратский Н. Н. Сочинения: в 2-х т. СПб., 1888. Т. 2. С. 296-297.
5. Кирвель Ч. С. Прорыв к духовно-экологической цивилизации // Наш современник. 2012. № 12. С. 187-210.
6. Козловцева Н. В. Старообрядческая православная этика и «дух русского капитализма» (по материалам Нижегородской губернии XIX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 107. С. 31-37.
7. Крупенский Н. П. Тайна императора (Александр I и Фёдор Кузьмич). Берлин, 1927. 113 с.
8. Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1. С. 72-82.
9. Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: к 400-летию Верхотурья. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 288 с.
10. Романова Л. «Свяча ці народам, ці богом суждана». Абрад «Свяча» // Роднае слова. 2004. № 3.
11. Трудовая этика старообрядчества и модернизация России в XIX и XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Trudovaya-etika-starobryadchestva-i-modernizaciya-Rossii-v-XIX-i-XX-ww> (дата обращения: 09.02.2014).
12. Шашков А. Т. Урало-сибирская старообрядческая литература XVII-XVIII вв.: основные направления развития // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 181-190.

ETHICS OF THE EASTERN SLAVS' FOLK CULTURE

Fedorov Roman Yur'evich, Ph. D. in Philosophy
Earth Cryosphere Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
r_fedorov@mail.ru

Fisher Anzhelika Nikolaevna, Ph. D. in Art Criticism
Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies
angela_fisher@mail.ru

The article is devoted to the study of the ethics of the Eastern Slavs' folk culture. On the basis of the domestic ethnographic heritage summary and the results of their own expeditionary research the authors attempt to highlight the basic elements of traditional culture governing the moral life of society. Possible ways of "folk ethics" spiritual-moral potential use for solving a number of the topical problems of the contemporary Russian society are considered.

Key words and phrases: traditional culture; folk culture ethics; morality; behaviour norms; unwritten laws.